

День груб, нервозен, обездвижен.
Сдружились с пылью ордена.
Взрывная терпкость спелых вишен,
Как лоб, к руке пригвождена.
Вгрызаясь в чувственную мякоть
С восторгом бешеным, готов
Конквистадор смеяться, плакать,
Пешком отправиться в Ростов,
В Солнечногорск, в Саратов к тетке,
В прохладный сумрак, в синеву —
Чтоб где-то там без слез, без водки
Из сердца выскоблить Москву.

Жизнь, как камни, раскидала
Нас. Взбудрив судьбу хлыстом,
Твердой поступью вандала
Входит память в старый дом.
Без фанфар, без песнопений,
Раздразнив промозглый тлен,
Входит, бродит... Чьи-то тени
Отделяются от стен.
Прорастает память телом:
Камнем высветлив версту,
Батяка в платье черно-белом
Грудью тянется к кресту...
Прокричав веселью: «Трогай!»,
Ради нас — в расцвете лет
Свыклась мать с фортуной строгой;
Под Берлином — сгинул дед...

Скорбь неистовствует. Память
То безмолвствует, то вздрог...
Вздвогнув, пробует подправить
Сволочной оскал — дорог.
Жизнь вбивает ногу в стремя,
Грудь рубцует мошкара...
Ах, как сладко пахло Время
В предвкушении добра!

Октябрь. Слякоть. Листопад
Флиртует с ветром. День обвалом
Надежд отмечен... Двое спят,
Укрывшись плотным покрывалом.
Ночная мгла не так страшна
Содружеству... В застенках рая
Жена, как смерть, ему нужна;
Ей нужен муж, как боль зубная.
Так было, есть. Так будет впредь.
Вновь умертвив в октавах звуки,
Она рискует — растолстеть,
А он — состариться от скуки.

Благодарю Тя, Господи!
Господь, благодарю —
Ее по Красной площади
Не вел я к алтарю,
И радостью, обещанной
В начале всех начал,
Ты с этой дерзкой женщиной
Меня не обвенчал.
Благодарю Тя, Отче наш, —
В стране грехов и грез
Все пройдено, все кончено
Без крови и без слез.
Доверившись сну вещему —
Слов попусту не трать...
Пролей на эту женщину
Любовь и благодать!

Маме, Нине Павловне

Сколько непритворных слез,
Бедствий, стрессов нервных
Отпрыск ваш Вам преподнес,
Будучи, во-первых, —
Хворым, хрупким, щипцевым,
Вздорным... С колыбели —
Плакальщицы стадом злым
Над блаженным пели:
«Для тебя под Минском вы-
Выдолблена яма!..»
Где б я был, когда б не Вы,
Дорогая мама?!

С утра расцвела придорожная ива.
Возможно, чужую предчувствуя боль,
Природа сегодня так красноречива,
Что я над собою теряю контроль.

Забыты тревоги, бег в поисках хлеба;
Надуманный страх безвозвратно исчез.
Мне только бы видеть бездонное небо,
Рассвет и с туманом флиртующий лес.

Мгла простерлась над табло,
Подтверждая многократно —
Здесь, бесспорно, не тепло,
Здесь по-взрослому прохладно
В межсезонье. Здесь с утра,
В борозду вгрызаясь просом,
Смерть выпускает медсестра
К пехотинцам и к матросам.

Дурная наследственность, взгляд исподлобья;
Бесстрастно, бессмысленно, жуликовато
Хрустят под стеклом бессловесные хлопья,
Как взрывы в подследственном штате Невада.

Все так же — в зашторенность чопорных зданий
Прицелившись — ластится зверь високосный
К взволнованным планам народных восстаний...
Ты слышишь — как плачут кремлевские сосны?!

Голос, взгляд, походка, жесты —
Слепок жизненный... В Белграде
Смерть, схватив костюм невесты,
Льнет к кладбищенской ограде.

Под стеклом расправив спины,
Подвывая: «Все мы смертны»,
Розы, астры, георгины
Снова ждут сакральной жертвы.

Затхлый запах влажной тверди
Мозг взрывает криком: «Горько!»
Моцарт, Бах, Чайковский, Верди
Нагнетают страсти... Только

Оглашенным — страх неведом:
Растворившись на погосте,
Будешь — скомканным портретом
Приходить к Отчизне в гости.

Набычив лоб, сойдя с ума
И умертвив в октавах звуки,
Вновь расторопная зима
Ребенком просится на руки.
Она предчувствует разлад...
Кричит: «Юродивый, покуда
В грехах замешкался Пилат
И от судьбы бежит Иуда —
Твори!» Пытаясь мне помочь,
Деревья вскакивают с места...
Вот только странно в эту ночь
Смерть разодета — как невеста.

Стучится ночь в оконное стекло.
Отравлен город сворой негодяев.
И темнота подтрунивает зло
Над городской бессонницей. Бердяев
Невыносим, как боль зубная... Здесь,
Где круглый год спирт заедают салом,
Ты, расчехлив взлохмаченную спесь,
Расправы ждешь под скользким одеялом?
А может — мысль к молитве пристегнуть
И жизнь на прочность испытать — покуда,
Приказом царским прикрывая грудь,
К тебе губами тянется Иуда?!

Вдохнув разнузданность бедлама
В кумирню сплетен, склок, интриг,
Премьерша, фея, сволочь, дама
С листа сыграет Лилю Брик.
Взорвется текст, прогнутся доски;
Взлохматив рифмой канитель,
С разбега вздорный Маяковский
Нырнет в проклятую постель.
Жизнь будет, сдвинув занавески,
Как поезд, мчаться под откос...
Всегда найдется повод веский —
Чтоб в муках корчился Христос.
Спектакль закончится. В буфете
Смыв коньяком подкожный зуд,
Волчицей вскормленные дети
Премьершу курвой назовут.

С разнузданной страстью к погромам — не споря,
Жизнь растормошив, ты бросаешься в море
Подследственных чувств. Твои бедра, твой взгляд
С бесстыдством — о ласках земных говорят.

Медведь, впавший в спячку, и тот был разбужен
Твоим восхитительным возгласом: «Нужен
Мне ты!» В Дюссельдорфе, в Атепцево, в Минске
В честь — вздорной любви — расцветутobeliski.

Не юродствуй, не оstri!
В ночь — без вдохновения —
Буду час, час тридцать три
Размышлять на фене я.
Сможешь ты без трескотни,
Без словесной патоки —
Скукой вскормленные дни —
В Брахмапутре, в Ладоге
Скрыть от шквального огня;
Чтоб узнать смог точно я —
С кем ты выскоблишь меня,
Страсть моя порочная.

Сентябрьским днем иль сентябрьской ночью
Не встретившись с дерзкой вакханкой воочью
В бесхозных, в разросшихся зарослях вишен,
Ты сломлен; ты, как террорист, обездвижен.
Ты — жертва, мишень для спецназовской пули...
А впрочем, в Москве, в Катманду, в Ливерпуле
Всем тем, кто безвременьем на кол посажен,
Восторженный скрежет бессонниц не страшен.

В две тысячи бесхитростном году,
Почти что став родного батьки старше, —
Забронзовеешь, съездишь в Воркуту,
По Брахмапутре проплывешь на барже,
Пройдешь сквозь строй состарившихся лиц
На сквернословных ярмарках, вериги
Сорвешь с души, вернешься в Аустерлиц
И жизнь вдохнешь в неизданные книги.

